Письменная Татьяна Геннадьевна, Рябиков Александр Николаевич

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАКОВ-СТАРООБРЯДЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

В статье рассмотрены направления конфессиональной политики в отношении казаков-старообрядцев Северного Кавказа в контексте взаимоотношений центральных властей, местных элит и Русской Православной Церкви. Доказано, что во второй четверти XIX в. в данном регионе общероссийская модель вероисповедного курса имела характерные отличия вследствие формирования северокавказской элитой новой идеологической концепции, рассматривавшей старообрядчество как фактор, способствующий успешному решению военных, социальных и экономических проблем Кавказского линейного казачьего войска.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 150-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. **Маклюэн Г. М.** Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. статья М. Вавилова. М. – Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
8. **Основы теории коммуникации**: учебник / под ред. проф. М. А. Василика. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
9. **Порфирьев Б. Н.** Информационные технологии: источник рисков или инструмент управления рисками общественного развития // Проблемы анализа риска. 2004. Т. 1. № 2. С. 189-192.
10. **Хлызова Н. Ю.** Средства массовой информации и средства массовой коммуникации как основные понятия медиаобразования // Средства массовой информации в современном мире. Молодые исследователи / под ред. Л. П. Громовой. СПб., 2008. С. 288-290.
11. **Холмс Э.** Риск-менеджмент / пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2007. 304 с.
12. **Черных А. И.** Социология массовых коммуникаций. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 451 с.
13. **Fog A.** The Supposed and the Real Role of Mass Media in Modern Democracy [Электронный ресурс]. URL: http://text.123doc.vn/document/1069668-tai-lieu-the-supposed-and-the-real-role-of-mass-media-in-modern-democracy-potx.htm (дата обращения: 04.10.2014).
14. **World Investment and Political Risk**: a report from the Multilateral Investment Guarantee Agency. W.: World Bank, 2010. 116 p.

TRANSFORMATION OF POLITICAL LIFE OF SOCIETY IN CONNECTION WITH DEVELOPMENT OF MASS MEDIA

Panyukov Aleksei Yur'evich
M. V. Lomonosov Moscow State University
lepanyukov@gmail.com

The article considers change in the political spheres of life in connection with the development of mass media, which occurred in the XX century. These changes condition the origin of a new type of risks both for society and for states since the nature of mass media contains risk-forming factors. At the same time it becomes possible to control political risks and preserve political stability through the use of mechanisms that emerged with the development of mass media.

Key words and phrases: mass media; political stability; political risks; ―mediazation of politics”.

УДК 94(47).07:37.01:281.9
Исторические науки и археология

В статье рассмотрены направления конфессиональной политики в отношении казаков-старообрядцев Северного Кавказа в контексте взаимоотношений центральных властей, местных элит и Русской Православной Церкви. Доказано, что во второй четверти XIX в. в данном регионе общероссийская модель вероисповедного курса имела характерные отличия вследствие формирования северокавказской элитой новой идеологической концепции, рассматривавшей старообрядчество как фактор, способствующий успешному решению военных, социальных и экономических проблем Кавказского линейного казачьего войска.

Ключевые слова и фразы: Северный Кавказ; модель конфессиональной политики; казаки-старообрядцы; молитвенный дом; станица.

Письменная Татьяна Геннадьевна, к.и.н.
Рябиков Александр Николаевич, к.и.н., доцент
Кубанский государственный университет (филиал) в г. Славянске-на-Кубани
pismennayat@mail.ru; riybicov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАКОВ-СТАРООБРЯДЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I©

Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01230 «Конфессиональная политика российского правительства в отношении религиозных объединений Северного Кавказа в XVIII-XX вв.».

В современной исторической науке существует значительное количество исследований, посвященных различным аспектам конфессиональной политики на Северном Кавказе, которые характеризуются большой разнородностью и зачастую не имеют прочной методологической основы. Поэтому особую актуальность приобретает целостное изучение системы конфессиональной политики как развивающейся структурной модели, что позволяет добиться совместимости различных областей исследований в рамках единой концепции.

Проблема изучения государственно-конфессиональных отношений на основе метода моделирования нашла отражение в трудах К. Дворэма, А. В. Логинова, А. Николина, С. Ц. Феррари, М. О. Шахова [3; 6; 7; 13; 16]. Значительный вклад в осмысление темы внес М. С. Топчиев, обобщивший имеющийся опыт и предложивший собственную оригинальную типологию [12].

© Письменная Т. Г., Рябиков А. Н., 2014

Под конфессиональной политикой Российского государства мы понимаем комплексные системы политических мер в отношении религиозных объединений, реализующиеся правительством на конкретных территориях с учетом их религиозной и геополитической специфики для поддержания государственной стабильности посредством согласования различных вероисповедных интересов.

Теоретически конфессиональная политика может быть представлена в виде структурной модели, состоящей из четырех взаимосвязанных компонентов: ценностно-целевого, нормативного, институционального и функционального [16, с. 34].

Ценностно-целевой аспект или идеологическая основа определяет главные принципы религиозной политики посредством анализа ряда факторов: исторической роли отдельных конфессий в процессе легитимации государственной власти, религиозного понимания вероисповедными группами сущности политического авторитета, количества верующих, их культовых зданий. В рамках идеологической основы образуются теории и концепции, обобщающие идеи построения оптимальных государственно-конфессиональных отношений.

Нормативный компонент структурной модели представляет собой законодательную базу проведения вероисповедного курса, включающую постановления центральных и местных органов власти. Институциональный аспект определяет систему государственных институтов, реализующих конфессиональную политику. Функциональный, в свою очередь, отражает комплекс характерных методов, избранных правительством для взаимодействия с вероисповедными группами.

Изучение структурной модели конфессиональной политики в различные периоды российской истории позволяет выявить некоторые закономерности ее эволюционного развития, которые выражаются в совершенствовании модели путем обобщения опыта решения вероисповедных проблем, накопленного политическими элитами отдельных регионов вследствие разрешения религиозных конфликтов.

В настоящей статье авторы преследуют цель проанализировать особенности общероссийского религиозного курса, обозначившиеся на Северном Кавказе в процессе взаимодействия государства и казаков-староверов.

Религиозные объединения старообрядцев, распространенные на указанной территории в период правления Николая I, имели различное время возникновения. Самыми ранними из них могут считаться группы терских и гребенских казаков, обитавшие в регионе уже с XVI в. Впоследствии количество ревнителей старины увеличивалось за счет донского, волжского, екатеринославского, хоперского казачеств, заселявших исследуемую территорию в течение XVIII – первой четверти XIX в. [8, с. 4]. Процесс колонизации, таким образом, позволил занять древлеправославию значительный ареал восточного и западного Предкавказья.

Во второй четверти XIX в. идеологическую основу вероисповедного курса российского государства определяла Теория официальной народности, предложенная российскому обществу графом С. С. Уваровым. В рамках данной концепции, закреплявшей приоритетное положение официального православия как традиционного защитника абсолютной монархии, староверие, не желавшее идти на компромисс посредством принятия правил единоверия, стало считаться источником угрозы для государственного порядка [11, с. 13].

В годы правления Николая I борьба с распространением «раскола» находилось в компетенции нескольких государственных органов власти. В их числе вторая экспедиция III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, Министерство внутренних дел и Секретный комитет по делам «раскола». В то же время проведение конфессиональной политики встречало серьезное препятствие в виде бюрократической машины, имевшей разветвленную систему различных ведомств, компетенции которых подчас были плохо разграничены [4, с. 162].

В исследуемый исторический период вышло значительное количество законов о старообрядчестве, преследовавших цель установить контроль государства над всеми сторонами жизни верующих, включая личные.

В этой связи правительство проделало большую работу по упорядочиванию постановлений о «расколе» в томах Свода законов Российской империи, Уложении о наказаниях и пр. Однако систематизированное законодательство не представляло собой единой правовой системы: многие законы были недостаточно подробны, противоречили по смыслу локальным указам и не учитывали особенностей административного устройства отдельных регионов, в частности, территории Кавказского линейного казачьего войска [9, с. 401].

Данное обстоятельство во многом предопределило особое правовое положение казаков-староверов, а также позволило местным властям обосновать новую идеологическую основу проведения религиозного курса, отвечающую условиям военного времени. Ее главным постулатом стало утверждение, что староверие является допустимым явлением в полках, поскольку не только не мешает, но и весьма способствует усердному исполнению казаками их воинского долга.

Твердые нравственные убеждения, порицавшие злоупотребление спиртными напитками, патриархальный семейный уклад староверов обеспечивали, по мнению северокавказской правящей элиты, необходимую дисциплину и порядок в войске. Религиозные волнения казачества были крайне невыгодны местной власти, поскольку они могли спровоцировать бегство казаков на территорию горских народов или переход в сектантство, где практиковалось «беспорядочное заключение браков» [15, д. 85, л. 48].

Позиция Наказных атаманов и Кавказских наместников не находила понимания у служителей Русской Православной Церкви, видевших в старообрядцах объект своей миссионерской деятельности и серьезное препятствие для успешного церковного строительства на Тереке. Однако точка зрения православных клириков не оказала заметного идеологического воздействия на проведение конфессионального курса [Там же, л. 12].

Характеризуя функциональный компонент модели конфессиональной политики, т.е. методы властей, использовавшиеся для проведения религиозного курса в отношении казаков-староверов, следует отметить,

что в указанный исторический период их «мягкость» определялась не только описанной выше идеологической основой, но и внешними факторами. Так, крестьянская колонизация Северного Кавказа сопровождалась слабо контролируемыми миграционными процессами, которые способствовали появлению в станицах беглых старообрядческих священников.

Характерной особенностью нормативного компонента рассматриваемой модели конфессиональной политики могут являться постановления местных властей, пытавшихся адаптировать центральные указы к северокавказским реалиям. Рассмотрим особенности функционирования правовой системы на примерах регулирования положения староверческих духовных лиц и культовых зданий.

В 1827 г. был принят указ, запрещавший казакам приглашать в полки разжалованных священников Русской Православной Церкви для проведения церковных служб по старообрядческим канонам. Ограничения коснулись и гребенских станиц, где в первой четверти XIX в. положение староверческих иереев регулировалось казачеством самостоятельно. Опасаясь возникновения беспорядков на религиозной почве, войсковая администрация не стала исполнять правительственный указ и фактически «закрыла глаза» на пребывание в полках духовных лиц.

Данную ситуацию неоднократно пытались переломить служители Русской Православной Церкви, отмечавшие уменьшение количества своей паствы вследствие перехода казаков в древлеправославие. Однако открыто требовать от войсковых властей исполнения закона, запрещавшего «совращать в раскол» население, они осмелились лишь в 1843 г., когда была образована Ставропольская епархия, во главе которой стал епископ Иеремия. Новый владыка, придерживаясь мнения, что староверческие священники должны быть удалены с территории епархии, приказал казакам выдворить беглого попа из станицы Червленой [14, д. 66, л. 29].

Это событие привело к такому масштабу религиозных волнений в казачьей среде, что в 1845 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом Н. А. Воронцов был вынужден сообщить о происходящем лично императору.

Николай I посчитал поступок епископа Иеремии некорректным в условиях Кавказкой войны и приказал впредь служителям культа не вмешиваться в работу военного ведомства без предварительного согласования действий с наместником Кавказа. Подчеркивая, что «раскольники» не должны преследоваться за свою веру, если она не наносит вред официальной религии, император предписал графу Воронцову удалять из войска беглых священников только в том случае, если они окажутся разжалованными из сана преступниками.

Чтобы предупредить повторение религиозных конфликтов, Николай I пошел на радикальные меры: православное духовенство, служившее при храмах Кавказского линейного казачьего войска, было выведено из подчинения епископу Иеремии и отдано под юрисдикцию обер-священника Отдельного Кавказского корпуса.

После выхода в свет императорского указа, позволяющего гребенским казакам иметь в полках старообрядческих иереев, проблема борьбы с ними на Тереке потеряла прежнюю важность. «Сквозь пальцы» на духовных отцов древлеправославия стали смотреть и на Кубани [2, д. 200, л. 46].

Аналогичная ситуация наблюдалась и с культовыми зданиями «раскольников». С 1826 г. Николай I запретил старообрядцам возводить новые храмы и реставрировать старые. Незаконную постройку предписывалось «без лишней огласки» подвергать сносу. Однако на Северном Кавказе данный закон практически не исполнялся. На протяжении 30-х гг. XIX в. здесь наблюдалось активное церковное строительство, о чем свидетельствуют следующие данные: в 1841 г. в КЛКВ (Кавказском линейном казачьем войске) по официальной статистике, которая существенно занижала реальные показатели, насчитывалось 10 часовен, 13 молитвенных домов и 1 скит [14, д. 60, л. 21].

Вследствие указа от 1835 г. староверы получили возможность, с позволения православного духовенства, перестраивать культовые здания в единоверческие храмы [9, с. 536-537]. Однако, единоверие, разрешавшее верующим сохранять древние обряды при условии, что службы в новых церквях будут вестись священниками государственной церкви, вызвало у казаков настороженность. Не поверив в искренность намерений властей, часть северокавказских староверов поспешила тайно вывезти из культовых зданий богослужебные принадлежности [15, д. 15, л. 61]. В некоторых случаях казаки начинали строительство единоверческих церквей для «видимости» и продолжали его десятилетиями. Ярким примером тому может служить возведение храма в станице Ессентукской, которое, начавшись в 30-х гг. XIX в., так и не было завершено к концу правления Николая I [5, с. 23].

Низкая популярность единоверия на Северном Кавказе во многом объяснялась непоследовательностью вероисповедного курса. Для прекращения религиозных волнений, описанных выше, император в 1845 г. издал указ, разрешавший гребенским казакам строить староверческие церкви. На этом фоне возведение единоверческих храмов теряло всякую актуальность.

Следует отметить, что институциональный компонент модели конфессиональной политики в северокавказском регионе был представлен как гражданскими органами власти, так и военными. Сфера деятельности данных ведомств была не всегда четко разграничена, поэтому реализация законов о «расколе» встречала бюрократические трудности.

Наказные атаманы, заручившись поддержкой Кавказского наместника, иногда принимали решения, прямо противоречащие царским указам. Наиболее красноречиво о данном факте говорят документы, отражающие процесс расторжения старообрядческих браков. Так, в 1826 г. был принят указ, объявлявший обряды венчания в «раскольничьих» церквях недействительными. Женщины, при переходе в официальное православие, получили право разводиться с мужьями-староверами [10, с. 182]. Этим обстоятельством решили

воспользоваться казачки ряда станиц КЛКВ. Они обратились к местным священникам с просьбой принять их в лоно государственной церкви и получили утвердительный ответ. Такое положение дел весьма встревожило войсковую администрацию, которая увидела в разводах по инициативе женщин угрозу традиционному укладу казачьей жизни. Кроме того, институт семьи выполнял у линейного казачества чрезвычайно важные функции: обеспечивал устойчивый рост экономического развития станиц, решал проблему усыновления детей-сирот, что было весьма актуально в условиях военного времени.

«Повальные обыски», специально устроенные полковыми командирами в домах у бывших старообрядок и имевшие явно предвзятый характер, показали крайне неудовлетворительные результаты. На их основании войсковая администрация сделала вывод, что истинной целью перехода казачек в православие являлось желание уйти от ответственности, к которой непутевых жен призывали законные мужья. В итоге женщин приговорили к наказанию розгами, а священникам специальным постановлением атамана было запрещено принимать замужних старообрядок в официальную веру [1, д. 11, л. 14 об.].

Таким образом, общероссийская модель конфессиональной политики имела на территории Кавказского линейного казачьего войска ряд характерных особенностей. Ее идеологическая основа была переосмыслена местной элитой в контексте военных, экономических и социальных проблем северокавказского региона, благодаря чему старообрядчество стало рассматриваться как допустимое общественное явление. Концептуально новый взгляд на феномен казачьего древлеправославия, разделенный самим императором, обусловил выход в свет высочайших постановлений, дававших «раскольникам» весьма широкую вероисповедную свободу, которая позволяла вести религиозную жизнь в соответствии с древними казачьими традициями. В то же время конфессиональный курс из-за противоречивости российского законодательства и громоздкости бюрократического аппарата продолжал оставаться непоследовательным, нуждающимся в постоянной корректировке.

Список литературы

1. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. 256. Оп. 1.
2. **Государственный архив Ставропольского края.** Ф. 79. Оп. 1.
3. **Дворэм К.** Свобода совести: модель США / под ред. В. Еленского. К.: София, 1996. 98 с.
4. **Ерошкин Н. П.** Крепостническое самодержавие и его политические институты (I пол. XIX в.). М.: Мысль, 1981. 252 с.
5. **Клычников Ю. Ю.** Строительство церкви в станице Ессентукской // История и культура народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2005. Вып. 2. С. 17-24.
6. **Логинов А. В.** Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. 496 с.
7. **Николин А.** Церковь и государство (история правовых взаимоотношений). М.: Мысль, 1997. 430 с.
8. **Попко И. Д.** Терские казаки со стародавних времен: репринтное издание. Нальчик: Кавказская библиотека. 2011. 569 с.
9. **Собрание постановлений по части раскола.** СПб.: Типография МВД, 1858. 684 с.
10. **Собрание постановлений по части раскола.** Лондон: Trubner & Co, 1863. Т. I. Вып. 1. 296 с.
11. **Тарасов Б. Н.** Рыцарь самодержавия (черты правления Николая I) // Николай Первый и его время. М.: ОЛМА Медиа групп, 2002. Т. 1. 513 с.
12. **Топчиев М. С.** Анализ и типологизация основных мировых моделей регулирования государственно-конфессиональных отношений [Электронный ресурс]. URL: http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/Goomanitarnie %20(3)%202013-2/ 230-236.pdf (дата обращения: 21.06.2014).
13. **Феррари С. Ц.** Государство в Западной Европе: итальянская модель и мировой опыт государственно-церковных отношений. М.: РАГС, 1998. 231 с.
14. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания** (ЦГА РСО-А). Ф. 2. Оп. 1.
15. **ЦГА РСО-А.** Ф. 3. Оп. 1.
16. **Шахов М. О.** Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. Изд-е 2-е, доп. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 528 с.

FEATURES OF STATE CONFESSIONAL POLICY IN RESPECT OF COSSACKS – OLD BELIEVERS OF NORTH CAUCASUS DURING THE REIGN OF NICHOLAS I

Pis'mennaya Tat'yana Gennad'evna, Ph. D. in History
Ryabikov Aleksandr Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Kuban State University (Branch) in Slavyansk-on-Kuban
pismennayat@mail.ru; riybicov@mail.ru

The article considers the directions of confessional policy in respect of the Cossacks – Old Believers of North Caucasus in the context of interrelations between the central government, local elites and the Russian Orthodox Church. It is proved that in the second quarter of the XIX century in this region the all-Russian model of confessional course had characteristic differences due to the formation of new ideological conceptions by the North Caucasian elite that considered the Old Belief as a factor contributing to the successful solution of the military, social and economic problems of the Caucasian line Cossack troop.

Key words and phrases: North Caucasus; model of confessional policy; Cossacks – Old Believers; prayer house; Cossack village.